

Полина Люро
Аджимук

Полина Люро

АЛХИМИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69178486

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда-то давно два друга студента нашли способ переместиться назад во времени, потому что один из них, по прозвищу Алхимик, был одержим идеей изменить страшное будущее...

Полина Люро

АЛХИМИК

Старик шёл по узкой улочке под накрапывающим дождём, приподняв единственную ещё не заплатавшую мантию, чтобы случайно не намочить её край в нечистотах, что с удовольствием выплёскивали из окон жители городка. Он был зол, его включенная, давно нечёсаная борода вздрагивала в такт нетвёрдой походке, ноги то и дело поскальзывались на мокрой мостовой, так и норовя уронить тощее тело хозяина в ближайшую канаву.

Он не вышел бы в такую скверную погоду из дома, если бы не срочное дело к другу. Дело, не требующее отлагательства: ему позарез опять нужны были деньги на исследования, а у Райнера, известного нотариуса и богача, они водились. И он — единственный, кто, не скупясь, ссужал их сумасшедшему старику, в насмешку прозванному Алхимиком.

Нет, Мишель совсем не походил на учёного, колдующего в своей мастерской над созданием Философского камня или строчащего загадочные формулы в огромные книги, прочитать которые дано только избранным. Этот болван, по мнению окружающих, только и повторял, что все вокруг дикари и глупцы, не разбирающиеся в элементарной химии, неучи, не способные двигать науку вперёд. Над ним потешался весь

город, считая безобидным сумасшедшим, который непонятно чем занимался в своём пустующем двухэтажном доме...

Райнер как раз возвращался из магистрата и чудом успел выскочить из двуколки, что было непросто при его грузной комплекции, успев подхватить под руку падающего старика.

– Мишель, друг мой, зачем ты притащил свои старые кости ко мне в такую скверную погоду? Это же вредно для твоих лёгких. Прислал бы кухарку с запиской. Я сам бы к тебе пришёл...

– Она бросила меня, Райнер! Эта старая дура не только скверно готовила, но постоянно просила у меня денег, чёрт бы съел её потроха!

Райнер засмеялся басом, покачав головой:

– А ты, как всегда, забыв ей заплатить, ожидал чего-то другого, безумец?

Тут старик закашлялся, испуганный Райнер помог ему сесть в коляску и отвез к себе домой, где хорошенько накормил и, тяжело вздыхая, без звука всунул в руку друга увесистый мешочек:

– Только не потеряй деньги, растяпа. Может, передумаешь и переедешь ко мне, в память о старой дружбе. Лабораторию я тебе организую...

– Не надо, Рай, спасибо. Ты же знаешь, как мало осталось у меня времени, расчёты почти закончены, математическая модель готова, ещё совсем немного... И перестань, наконец, меня жалеть — я сам выбрал этот путь. А вот ты увязался

следом и теперь прозябаешь в этом убогом мире! Никогда не прощу себе, что не смог тогда тебя остановить...

Райнер грустно опустил голову, и его толстые щёки покрылись пятнами волнения:

– Я не так уж плохо устроился, придурок, и ты мог, если бы не эта безумная идея...

Мишель так взглянул на него, что Райнер смутился и замолчал, поспешно добавив:

– Бери мою двуколку, Жак тебя отвезёт и... береги себя, старый чёрт...

Друг улыбнулся, сверкнув молодыми глазами:

– Тебе напомнить, что я старше всего на полгода? Это всё чёртова болезнь, будь она неладна...

На обратном пути к дому, трясясь в двуколке, Мишель грустно смотрел по сторонам, думая, что время не пощадило не только его, когда-то молодого аспиранта Химфака, но и Райнера, тогда ещё полного сил, розовощёкого студента Экономического факультета, которому все в один голос пророчили в будущем блестящую карьеру.

– Да уж, прекрасная карьера — помощник бургомистра, богатый одинокий ублюдок, — беззлобно ворчал Мишель.

Он вздрогнул, увидев, как из открывшейся двери маленькой таверны выбросили худенького мальчишку, поддав напоследок такого пинка, что тот кубарем покатился прямо под копыта лошади и только благодаря мастерству Жака или своему везению, остался жив.

— Ну что смотришь, дубина, — закричал Алхимик растерявшемуся кучеру, — хватай мальчика и неси его сюда! Смотри, бедняга весь в крови. Сильно же ему досталось...

— Да Хозяин меня убьёт, если я коляску испачкаю... — робко попытался возразить Жак.

Но Алхимик набросился на него с кулаками, заставив уложить бессознательное тело ребёнка на сидение рядом с собой. А потом Жаку пришлось нести мальчика в дом на лавку в большой комнате, где было тепло. Оставив найдёныша, кучер поспешил как можно скорее удалиться, бормоча под нос:

— И зачем было подбирать мальчишку, он всё равно не жилец. Почему Хозяин слушает этого сумасшедшего, все итак косо на них смотрят, поговаривают, что безумный Алхимик — его отец, а Хозяин, стало быть, бастард. Тьфу ты, кто их разберёт...

Но он ошибался и насчёт хозяина с Алхимиком, и насчёт двенадцатилетнего мальчишки по имени Мэтью. Старика пришлось несколько дней выхаживать измождённого, покрытого многочисленными следами побоев ребёнка. Мишель давал ему порошки и микстуры, прописанные городским лекарем, и сбивал жар, ругаясь:

— Были б у меня силы как раньше, сам пошёл туда и хорошенько надавал негодяю, что покалечил мальчика. Но их нет, впрочем, как и времени, — и он опять надсадно закашлялся.

Как только найдёнышу стало легче, он начал вставать и

потихоньку бродить по большому дому, где его и застал Алхимик, целый день пропадавший в своей лаборатории.

– Вот что, Мэтью, оставайся здесь. Платить я тебе не могу, но накормлю. Скоро зима, и не знаю, переживу ли я её, но у тебя хотя бы будет крыша над головой. Пока я жив...

Мэтью бросился Алхимику в ноги, но тот страшно рассердился:

– Никогда так не делай, ты же человек, где твоя гордость?

– Она на дне моего голодного желудка, Хозяин, — улыбнулся мальчишка и лукаво посмотрел на Алхимика, — что я должен делать?

В ответ тот смущённо пробормотал:

– Убирайся в доме, готовь, как сумеешь, деньги на еду я буду давать, когда они понадобятся. Кухарка, видишь ли, ушла. Осилишь?

Мэтью засиял:

– Всё сделаю, Хозяин.

Алхимик хмыкнул:

– Посмотрим, а постирать сможешь? Маленький ты ещё...

– И вовсе не маленький, — голос мальчика испуганно задрожал, — вот увидишь, как я справлюсь.

– Хорошо, хорошо, — Мишель замахал руками, словно пытался отогнать от себя невидимую назойливую муху, — но, смотри, в лабораторию — ни ногой, и не отрывай меня *от исследований*, понял?

Мэтью закивал, хотя и не знал, что такое «исследования».

Так они стали жить вместе под одной крышей, почти не разговаривая между собой. Это устраивало обоих. Дом был в полном распоряжении мальчика, Алхимик днями напролёт не вылезал из лаборатории и приходил в столовую лишь утром и вечером, чтобы совсем немного поесть нехитрой стряпни Мэтью. Впрочем, он никогда ни на что не жаловался и, казалось, вообще не обращал внимания на ребёнка.

Ведя скромное хозяйство, Мэтью почти всё время проводил в одиночестве и предавался мечтам. Это он любил, за что и был часто бит на прошлом месте службы. Теперь, глядя на Хозяина, он мечтал стать учёным, таким же умным и добрым, как Алхимик, ведь тот не только никогда не поднимал на него руку, но даже не повышал голоса.

Правда, был один раз, но тогда Мэтью сам провинился — сунулся в лабораторию: так хотелось посмотреть, что же такое делает Хозяин? Он был очень разочарован — ни колб, ни змеевиков, ни алхимической печи не было и в помине. Алхимик сидел за столом и, взъерошив волосы, что-то писал в чёрную тетрадь. И, заметив рыжую шевелюру Мэтью, строго крикнул:

– Вон!

Это было по-настоящему страшно, и больше мальчик так не рисковал: потерять работу и доброго Хозяина из-за такой глупости — ну уж нет!

А в конце зимы пришла беда: Хозяин простудился и, слабея с каждым днём, часто падал без причины, жалуясь на го-

ловную боль. Приходивший Нотариус взмахивал руками и суетился, не зная, как помочь, вызывая к другу лучших лекарей. Но всё было без толку.

Алхимику становилось только хуже, и однажды он слёг. Вызвав к себе Мэтью и заставив его побожиться, велел понадежнее спрятать чёрную тетрадь и никому её не отдавать. А через сутки, несмотря на все старания мальчика, *его* не стало.

Мэтью пролил немало слёз: и о добром Хозяине, и о себе, несчастном, ведь его того и гляди без гроша в кармане среди зимы выгонят на улицу. Он вспоминал, как дрался с соседскими мальчишками, защищая Хозяина от насмешек, а тот, видя его расквашенный нос, только качал головой и смеялся:

– Оставь их, Мэтью, не стоит тратить жизнь на дураков! Тебе учиться надо, ты смышлѐнный, — повторял он задумчиво, а потом снова прогонял прочь. Он был странным, может, и сумасшедшим, но он *был*... А теперь старик оставил его одного. И от этих ужасных мыслей мальчик снова плакал, всхлипывая и размазывая слёзы по лицу.

В дом пришёл Нотариус и похлопал Мэтью по плечу:

– Эту ночь проведёшь здесь, Мишель так хотел, а завтра... видно будет. О похоронах я позабочусь. Ты не находил у старика тетрадь в чёрном переплѐте? Нет? Странно, она пропала. Сжѐг, наверное, может, оно и к лучшему...

И он ушѐл. Мэтью было страшно оставаться одному в доме, где умер человек, но это было лучше, чем провести её в

лютый мороз на улице. Всё ещё всхлипывая, мальчик собрал остатки угля и растопил печь, постелив себе прямо около неё — так было теплее. Но сон к нему не шёл.

После полуночи сердце вдруг начало замирать, предчувствуя недоброе. Было темно, угли в очаге переливались красными огнями. Мэтью встал, испуганно озираясь по сторонам. Дверь лаборатории тихо открылась, и на пороге появился Хозяин, вернее, его полупрозрачная тень. Мальчик истоиво перекрестился и, бормоча молитву, шмыгнул под стол.

Но призрак Алхимика, казалось, не обращал на него никакого внимания. Он вёл себя на удивление спокойно. Его борода и усы были расчесаны, мантия сверкала чистотой. Мишель прошёл к любимому креслу и, сев у огня, разжёг длинную старую трубку. При мальчишке он никогда так не делал — из-за болезни лекарь давно уже запретил ему курить.

Запах у голубоватого дыма был приятным и немного щекотал горло. Он заполнял собой почти всю комнату, но дышалось при этом на удивление легко. И в этом странном дыму стали проступать удивительные очертания огромных домов-башен, широких улиц и непонятных, но вызывавших восхищение Мэтью, разноцветных, быстро мчащихся по ним повозок без лошадей.

В небе проносились огромные серебристые птицы с загнутыми клювами, люди внизу казались маленькими и ненастоящими. Мэтью открыл от изумления рот и чуть не прикусил язык, когда услышал тихий знакомый голос Алхимика:

– Видишь, Мэтью, каким прекрасным будет этот мир в будущем. Через много, много поколений. Я видел *его*, я был там, но случилась большая беда. Смотри внимательно, мой мальчик...

Огромная сверкающая на солнце птица появилась в воздухе, и из её брюха посыпались странные предметы. Там, где они падали, расцветал пожар, а потом произошло ужасное — над городом поднялся невероятное облако-гриб, и волна от него сметала всё на своём пути: и огромные дома-башни, и улицы... Маленькие люди превращались в горстки серого пепла.

Это было так страшно, что Мэтью показалось, будто у него самого горят волосы и кожа. Он отчаянно закричал, но его вопль умер в горле. Тогда Алхимик печально произнёс:

– Я пытался изменить *это*, предотвратить беду, но не успел. Не бойся, мой мальчик, ни ты, ни твои дети, ни дети их детей не доживут до этого. Пройдёт не одно столетие. Прости меня, я хотел помочь всем, старый дурак...

Порыв ледяного ветра разбил окно и, ворвавшись в комнату, развеял дым от трубки. От Алхимика остался след на полу — горсть пепла, правда, ненадолго — следующий порыв ветра унёс его с собой. И тогда Мэтью закричал, закрыв уши руками и раскачиваясь из стороны в сторону:

– Нет, такого не может быть! Вернись, Хозяин, исправь это...

Тихий голос у виска прошептал на прощанье:

– Я сделал, что мог, теперь твоя очередь. Учись и не забудь про мою тетрадь.

Утром Нотариус вытащил полуживого Мэтью из-под стола, накинул на него тёплую шубу и сказал:

– Забудь, что видел этой ночью. Это был сон и только. Теперь я — твой опекун и наставник. Будешь жить в моём доме, пойдёшь учиться в лучшую школу. Так хотел Мишель, он беспокоился о тебе.

Нотариус Райнер взял ребёнка за руку и повёл к своей коляске, застеленной мехами. Мэтью покорно плёлся за ним, не слушая, что тот говорит, в голове у него всё ещё звучал голос Алхимика, а под рубахой была спрятана его чёрная тетрадь.

Уже сидя в коляске, мальчик вдруг спросил Райнера:

– Наставник, а зачем Алхимик приходил сегодня ночью?

Тот ответил, не глядя на него и смахивая слезу с внезапно постаревшего лица рукавом дорогой шубы:

– Мишель хотел проститься, Мэтью, ты был ему очень дорог. Он любил тебя как сына, которого у него не было...

Мэтью кивнул и, глядя с тоской на кружащийся вокруг так похожий на пепел снег, подумал:

– Он любил не только меня, а всех людей. Алхимик хотел их спасти, спасти этот несчастный мир...

